

Алексей Митрофанов
Покровка

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

**Покровка. Прогулки
по старой Москве**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Покровка. Прогулки по старой Москве / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902962-1

Очередная книга серии «Прогулки по старой Москве» посвящена Покровке. Этот путь берет начало от самых главных кремлевских ворот — Спасских, рядом с которыми размещается самый красивый московский собор — храм Василия Блаженного. Мы пройдем мимо Биржи, мимо часовни в память плевненским героям, мимо «домика-комода» — самого необычного дворянского особняка Москвы. Мимо садика имени Баумана, в котором стоял флигель Чаадаева...

ISBN 978-5-44-902962-1

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Башня №1	6
Исполинская часовня	9
Не для лбов	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Покровка Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-2962-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Очередная книга серии «Прогулки по старой Москве» посвящена Покровке. И, как всегда, мы не ограничимся лишь этой улицей, а расширим маршрут: пройдемся Ильинкой, затем Маросейкой, собственно Покровкой – и далее, на северо-восток.

Можно сказать, что это направление – самое главное в Москве. Еще бы – ведь начало этот путь берет от самых главных кремлевских ворот, Спасских, рядом с которыми размещается самый красивый московский собор – храм Василия Блаженного.

Мы пройдем мимо Биржи – финансового центра дореволюционной Москвы. Мимо часовни в память плевненским героям – самой красивой из всех сохранившихся московских часовен. Мимо «домика-комода» – самого необычного дворянского особняка Москвы. Мимо садика имени Баумана, в котором стоял флигель Петра Чаадаева...

Впрочем, не будем тратить время на простое перечисление достопримечательностей.
В путь!

Башня №1

Спасская (Фроловская) башня Московского кремля (Красная площадь) построена в 1491 году по проекту архитектора Пьетро Антонио Солари.

Главная достопримечательность Фроловской (Спасской) башни – не шатер, и не ворота, а часы, Кремлевские куранты. Трудно, придя сюда, не бросить взгляд на главный циферблат России, тот, по которому сверяет время вся страна. А в Новый год бой курантов транслируют по всем телеканалам – именно с двенадцатым ударом Россия по традиции начинает пить шампанское.

Первые часы возникли в нашем городе в 1404 году. Установили их в Кремле, и древняя «Тверская летопись» писала: «Сей часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и расчитая часы ночные и дневные. Не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако сотворено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищрено».

Тот механизм и вправду был сенсацией: москвичи впервые в жизни увидели действующий автомат – машину, которая движется самостоятельно, как животное или же человек.

А часы на Спасской башне появились лишь в конце шестнадцатого века. Стрелок на них не было. Вращался сам пятиметровый циферблат – небесный свод со звездами из золота и серебра, а также цифрами. Над сводом находилось солнце, и неподвижный его луч указывал на проплывающие под ним цифры. Будучи красоты необычайной, этот механизм сразу прославился на всю Европу.

Впоследствии его продали в Ярославль, в Спасский монастырь.

Несколько раз часы на Спасской башне заменялись новыми, а в 1852 году здесь появились современные куранты фирмы «Братья Бутеноп». Четыре раза в день (в 9, 12, 15 и 18 часов) они играли гимн «Коль славен наш Господь в Сионе» и «Преображенский марш». Для этого пришлось снять все колокола с кремлевских башен и перенести их внутрь новеньких часов – музыка Спасской башни была, разумеется, важнее.

В революцию 1917 года, когда большевики обстреливали Кремль, один снаряд попал в куранты. Механизм остановился. Но Владимир Ильич Ленин, глава нового, революционного правительства отдал строгое распоряжение – починить часы и «научить» их исполнять «Интернационал». Фирма братьев Бутеноп затребовала за ремонт громадную сумму денег. Решили обойтись своими силами. Однако же часы никак не запускались – проблема была в маятнике.

И тогда Николай Бернс, простой слесарь, вызвался наладить ход курантов. Он был смекалистый и авантюрный по характеру. Он понимал: в случае неудачи – расстрел. Вместе с сыновьями Василием и Владимиром, он довольно быстро изготовил маятник. И случилось чудо – часы пошли. Слесарь не только избежал столь вероятной смерти, но и прославился на всю страну.

* * *

Над курантами – тоже известная на всю Россию рубиновая пятиконечная звезда. Такими звездами увенчано пять башен – Спасская, Никольская, Троицкая, Боровицкая и Водовзводная. Круглые сутки внутри горят мощные лампы – иначе в яркий день звезды бы выглядели черными.

Звезды устроены как флюгеры – они поворачиваются под действием ветра. Это сделано не для того, чтоб информировать людей о состоянии погоды – просто таким образом снижается нагрузка ветра на звезду.

Некогда вместо рубиновых звезды были простыми, без подсветки. Правда, они были разукрашены ценными камнями-самоцветами.

А еще ранее – хотя уже в советское время – на башнях размещались имперские двуглавые орлы.

По стране вовсю шли сталинские репрессии, люди боялись сказать лишнее слово, чтобы не попасть в тюрьму. А над главной площадью нависал двуглавый орел – символ царской России. Люди боялись поглядеть на орла: вдруг этот взгляд перехватит агент «чрезвычайки» – политической полиции большевистской России. И еще неизвестно, как этот взгляд истолкует.

Долго не решались убрать орлов – боялись зацепить тяжеловесной «птицей» сами башни, повредить древнюю красоту. Просто сбросить их на землю, разумеется, было нельзя. В 1924 году возникла мысль подцепить орлов к аэростатам и спокойно опустить на землю. Произвели расчеты – оказалось, что аэростаты не способны выдержать подобный груз. Орлы были сняты, лишь когда появились высокие, крепкие монтажные краны. Было это в 1935 году.

* * *

А под курантами – главный въезд в Кремль, «Святые ворота». Здесь висел образ Нерукотворного Спаса – самая почитаемая в православии икона Иисуса Христа, – и, по указу царя Алексея Михайловича, каждый должен был при входе в те ворота снимать шапку. Нарушителей наказывали – заставляли здесь же класть 50 земных поклонов.

Смысл указа был, в общем, понятен. Ведь существовал древний русский обычай: входя в комнату с иконой, снимать шапку. А Спасские ворота были главным входом в Кремль.

Неудивительно, что стихотворец Федор Глинка сравнивал невозможность пройти Спасские ворота в головном уборе с физической невозможностью совершить то или иное непосильное деяние:

Кто Царь-колокол подымет?
Кто Царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?!

А многие московские врачи, когда их пациенты начинали жаловаться на частые простуды, спрашивали:

– А вы в Кремле часто бываете?

– Часто, – отвечали пациенты.

– А через какую башню ходите?

– Через Спасскую.

– Вы с ума сошли! Ходите через Троицкую.

– Почему?

– Сами подумайте – по такому морозу, и без шапки, да по несколько раз в день! А у Троицкой не надо ничего снимать.

Как правило, совет помогал.

* * *

А рядышком со Спасской башней – маленькая и затейливая Царская. Она была построена в 1680 году на месте деревянной башенки, с которой Иван Грозный наблюдал за жизнью Красной площади. В том числе и за казнями, которые совершались тут же, на берегу Алевизова рва, в те времена отделявшего Красную площадь от Кремлевской стены. Ведь Кремль в средние века был треугольным островом. С одной стороны протекала Москва река, с другой – река Неглинка, а с третьей был искусственный ров, прорытый итальянским мастером Алевизом

Новым. Это было сделано в первую очередь, конечно, из соображений безопасности. В случае нападения врага мосты сразу же поднимались, Кремль оказывался полностью изолированным. Но, кроме того, это очень красиво – плавно бегущие волны, мостики, отражения кремлевских башен в водной глади. Мастера прошлого знали толк в красоте.

Исполинская часовня

Собор Покрова что на Рву (храм Василия Блаженного) (Красная площадь) построен в 1561 году по проекту архитекторов Бармы и Постника Яковлева.

Этот храм – один из самых старых в городе Москве. Он был построен по велению самого Ивана Грозного в честь взятия русскими войсками города Казани. Правда, поначалу храм был белоснежным, с золотыми куполами. Только в семнадцатом столетии ему придали современный, пестрый вид, отчего облик собора только выиграл.

Строительство, что называется, овеяно легендами – как, впрочем, многое происходившее в эпоху Грозного царя. Толком не известно даже то, кто именно построил этот храм. По одним сведениям это были два архитектора – Постник Яковлев и Барма. А по другим – всего лишь один, некий Барма, прозванный за скромный образ жизни Постником.

В 1552 году, сразу же после взятия Казани Иван Грозный повелел: «Делати церковь обетная еже обещался во взятие Казанское Троицу и Покров и семь приделов».

Царь якобы распорядился, чтобы авторы (или же автор?) выстроили церковь, равной которой нет на свете. И когда они закончили работу, пригласил их и спросил – способны ли они построить церковь еще лучше этой. Те, рассчитывая на повторный выгодный заказ, сказали, что способны. Тогда царь ослепил архитекторов.

Документальных подтверждений этой выходки Ивана Грозного не существует – есть лишь легенда. Но очень уж это в характере царя. И, как говорится, если бы такого события не было, его следовало бы придумать.

Вот и придумали (а может быть, и вправду было?). И подхватили. И вошла эта история в поэзию, в фольклор – куда только возможно.

Самое же знаменитое произведение на этот счет – баллада Дмитрия Кедрина «Зодчие»:

И спросил благодетель:
«А можете ль сделать пригожей,
Благолепнее этого храма
Другой, говорю?»
И, тряхнув волосами,
Ответили зодчие:
«Можем!
Прикажи, государь!»
И ударились в ноги царю.
И тогда государь
Повелел ослепить этих зодчих,
Чтоб в земле его
Церковь
Стояла одна такова,
Чтобы в Суздальских землях
И в землях Рязанских
И прочих
Не поставили лучшего храма,
Чем храм Покрова!

Особенное же значение балладе придавало то, что Кедрин написал ее в 1938 году, когда затрагивать такие темы было, мягко говоря, небезопасно. Однако же в случае с Кедриным все обошлось.

Кстати, этот храм – в действительности даже и не храм, а всего-навсего часовня. Внутри практически нет места для молящихся – таинственные узенькие лестницы, тесные галерейки, переходики. Замысел состоял в том, чтобы молящиеся размещались на громадной Красной площади, а в самом соборе только велась служба.

Пространство же вокруг этого храма сразу сделалась московской биржей бесприходных батюшек. Как правило, нетрезвые и опустившиеся, они толпились в ожидании заказа – что-нибудь освятить, кого-нибудь отпеть или же окрестить.

Брали эти батюшки гораздо меньше, чем приличные, из храма. И, разумеется, в клиентах дефициту не было.

* * *

В 1588 году к храму пристроили новый придел – в честь Василия Блаженного, самого знаменитого московского юродивого, которого здесь же захоронили. Жизнь его была своего рода воплощением юродства. Василий славился на всю страну. Он в любой мороз ходил босым, носил одну лишь драную рубашку. Мог исцелять, предсказывать, творить другие чудеса. Не боялся говорить царям всякие нелюбезные слова, частенько осуждая их деяния. И ни разу не был за это наказан. Ведь считалось, что Василий – божий человек, и обижать его – великий грех.

По преданию, как-то после литургии блаженный подошел к Ивану Грозному и произнес:

– Я знаю, где ты был сейчас.

– Нигде я не был, только в храме, – ответил изумленный царь.

– Нет, ты был в другом месте – на Воробьевых горах, – сказал Василий Блаженный.

Царь Иван действительно на протяжении всей литургии не молился, а придумывал, какой бы себе выстроить дворец на Воробьевых. Он устыдился и стал еще больше считаться с юродивым.

В другой раз во время царского обеда Василий трижды подходил к окну и выливал туда вино.

– Что ты делаешь? – спросил царь.

– Тушу пожар в Новгороде, – ответил юродивый.

Впоследствии выяснилось, что в это время Новгород и вправду загорелся, а жители его встречали босого старика, который ходил по горящему городу и заливал водой пылающие дома. Молитвою Василия Блаженного город удалось спасти от разрушения.

И таких историй – множество.

Неудивительно, что старое название – храм Покрова что на Рву – постепенно уступило место новому – храм Василия Блаженного. Пушкин же в своем «Борисе Годунове» зашифровал под юродивым Николкой именно этого святого. Действительно, между Борисом Годуновым и юродивым происходит очень характерный диалог:

– Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича.

– ...Молись за меня, бедный Николка.

– Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит.

И не важно, что к Смутному времени Василий Блаженный скончался. Пушкин все-таки писал произведение художественное и мог себе подобное позволить.

* * *

Да что там Пушкин со своим Борисом Годуновым! Василия Блаженного до революции видели в снах! Один из таких своих снов рассказывал писатель А. М. Ремизов: «Толпа, крикнув, осадила, головы обнажились, а на Лобном месте показался маленький человечек: он был в высоких воротничках и смокинге, а голова его была повязана платком по-бабьи.

– Юродивый, – прокатилось по площади из уст в уста, – это юродивый сам...

– Садитесь, господа, – сказал Юродивый, кланяясь во все четыре стороны: Кремлю, Замоскворечью, Историческому музею и Рядам».

Действительно, в Москве был настоящий культ Василия Блаженного – иначе бы такая чушь ни в коем разе не нагородилась бы писателю А. Ремизову.

* * *

Храм изумлял своей роскошью и колоритом. Известный путешественник, исследователь и публицист француз маркиз де Кюстин писал в 1839 году: «Собор Василия Блаженного, без сомнения, если не самая красивая, то уж во всяком случае самая своеобразная постройка в России. Я видел его лишь издали и совершенно очарован. Вообразите себе скопище маленьких, разной высоты, башенок, составляющих вместе куст, букет цветов; вернее, вообразите себе корявый плод, весь усеянный наростами, дыню-канталупу с бугристыми боками, или, еще лучше, разноцветный кристалл, ярко сверкающий своими гладкими гранями в солнечных лучах, как бокал богемского или венецианского стекла, как расписной дельфтский фаянс, как лаковый китайский ларец: это чешуйки золотых рыбок, змеиная кожа, расстеленная поверх бесформенной груды камней, головы драконов, шкура хамелеона, сокровища алтарей, ризы священников; и все это увенчано переливчатыми, как шелка, шпицами; в узких просветах между нарядными щеголеватыми башенками сияет сизая, розовая, лазурная кровля, такая же гладкая и сверкающая на солнце; эти пестрые ковры слепят глаза и чаруют воображение. „Нет сомнения, что страна, где подобное здание предназначено для молитвы, не Европа, это Индия, Персия, Китай, и люди, которые приходят поклониться Богу в эту конфетную коробку – не христиане!“ Такое восклицание вырвалось у меня, когда я впервые увидел необычную церковь Василия Блаженного; с тех пор как я в Москве, единственное мое желание – как следует рассмотреть этот причудливый шедевр, который столь необычен, что отвлек меня от Кремля в миг, когда этот грозный замок впервые явился моему взору».

С детства привыкший к строгим католическим костелам, украшенным оскаленными мордами страшных чудовищ, маркиз не верил в то, что христианский храм может быть ярким и нарядным.

Однако же недолго продолжал тот путешественник испытывать восторг по поводу Василия Блаженного. Желание маркиза сбылось, и храм он рассмотрел «как следует». И что же?

«Теперь он был прямо передо мной, но какое разочарование!! Множество луковиц-куполов, среди которых не найти двух одинаковых, блюдо с фруктами, дельфтская фаянсовая ваза, полная ананасов, в каждый из которых воткнут золотой крест, колоссальная гора кристаллов – все это еще не составляет памятника архитектуры; увиденная с близкого расстояния, церковь эта сильно проигрывает. Как почти все русские храмы, она невелика, бесформенная ее колокольня хороша только издали, а неизъяснимая пестрота скоро наскучивает внимательному наблюдателю; довольно красивая лестница ведет на крыльцо, откуда богомольцы попадают внутрь храма – тесного, жалкого, ничтожного».

Как говорится, о вкусах не спорят.

Зато немец Блазиус сравнивал собор Покрова что на Рву с известным Кельнским собором – по значимости. Он писал: «Все путешественники прямо или не прямо, но в один голос заявляют, что церковь производит впечатление изумительное, поражающее европейскую мысль. Когда я сам в первый раз неожиданно увидел это чудовище, то никак не мог опомниться и понять, что это такое: колоссальное растение, группа крутых скал или здание? ...Рассмот-

ревши, что действительно это церковь, и тут ничего не понимаешь, не видишь, сколько сторон у здания, где его лицо – фасад, сколько всех башен стоит в этой группе? Входишь, наконец, в храм, тесный, мрачный, в высшей степени неправильный, и окончательно теряешься в соображениях, каким образом ничтожное внутреннее пространство церкви вяжется с ее наружным объемом, на вид колоссальным и обширным. Чудище становится еще загадочнее!»

Поражал тот храм и свиту датского герцога Иогансона. Один из сопровождавших эту важную особу сообщал: «Перед замком (то есть Кремлем – АМ.) большая и длинная четверугольная площадь, а на южном конце ее – круглая площадка, на которой стоит храм, называемый Иерусалим. Этот храм выстроен почти четверугольником, только с очень многосторонним искусством всякого рода и вида; на нем девять башен, крытых листовою медью, и при том так искусно и разнообразно, что только дивишься. Внутри снизу доверху, в нем все поделаны часовенки или божницы; тут русские ставят своих святых и богов; нижние днем и ночью отворены настезь: в них всегда горят восковые свечи, и все русские, по своей набожности, ходят туда молиться, для того-то денно и ночью держат там всегда сторожей, а возле стоит высокая стена с несколькими сводами, в которых висят 12 больших и малых колоколов».

Кстати, очень много иностранцев утверждало, что храм Василия Блаженного – на самом деле Иерусалим. Вероятно, им так объясняли всегда охочие до шуток москвичи.

* * *

В 1895 году Василия Блаженного чуть было не сгубили. Нет, речь о сносе, разумеется, не шла. Напротив, храм пытались реставрировать. Однако же профессионализм реставраторов был не на высоте.

Можно сказать, что уберегли собор два художника – Михаил Нестеров и Аполлинарий Васнецов.

Михаил Нестеров писал своей сестре: «Теперь мы пристально следим за ремонтом храма Василия Блаженного, все красят и начали было портить Василия Блаженного, но мы с Аполлинарием восстали, пожаловались Забелину, и теперь нам на утешение стали подбирать тона окраски строже, по старым цветам».

Кстати та реставрация сделалась поводом еще к одному нападению на храм. «Московский листок» сообщал в октябре 1897 года: «Вчера сторож собора св. Василия Блаженного на Красной площади, отставной унтер-офицер Шумаль заявил полиции о покушении на кражу со взломом, совершенном неизвестным злоумышленником. Пользуясь тем, что снаружи храма происходит ремонт и весь собор обнесен лесами, он забрался на кровлю и, проникнув к среднему куполу, взломал проволочную решетку в окне, разбил стекла в раме и через образовавшееся отверстие спустил канат, которым рабочие поднимали разного рода тяжести. По этому канату злоумышленник спустился внутрь собора. Тут он каким-то орудием взломал свечной ящик, но ничего из храма не похитил и скрылся, выйдя через дверь, имеющуюся в галерее второго этажа, откуда и спустился по лесам на улицу. Внутренний замок двери был отперт тем ключом, который неизвестный взял из свечного ящика; ключ этот он оставил в двери».

Почему вдруг передумал этот злоумышленник? Бог весть.

* * *

До революции, пока столица размещалась в Петербурге, а Кремль и Красная площадь не имели подлинного государственного статуса – только символический, торговый и, конечно, туристический, храм Василия Блаженного был в первую очередь яркой игрушкой – любимой всеми и доступной каждому. Иван Шмелев писал в своей прекрасной зарисовке под названием «Весенний ветер»: «Многоглавый и весь расписной Блаженный цветет на солнце, над громким и пестрым торгом, – пупырьями и завитками, кокошничками и колобками цветных куполов своих, – главный хозяин праздника. Глазеют-пучатся веселые купола его, сияют мягко кресты

над ним, и голубиные стаи округ него. Связки шаров веселых вытягиваются к нему по ветру. А строгие купола соборов из-за зубчатых кремлевских стен, в стороне от крикливой жизни, не играя старинной позолотой, – милостиво взирают на забаву.

Взглядывают на них от торга – и вспоминают: «Пасха!» И на душе теплеет».

А Анатолий Мариенгоф и вовсе сравнивал Василия Блаженного с итальянским арлекином, поставленным на голову посреди Москвы.

И никаких, естественно, ассоциаций ни с Иваном Грозным, ни с лишенным зрения Бармой. Разве что герой романа «Китай-город» П. Д. Боборыкина задумывался: «Вышел он на Красную площадь... Глаз достигал до дальнего края безоблачного темнеющего неба. Девять куполов Василия Блаженного с перевитыми, зубчатыми, точно булавы, глазами, пестрели и тешили глаз, словно гирлянда, намалеванная даровитым ребенком, разыгравшимся среди мрака и крови, дремучего холопства и изуверных ужасов Лобного места. „Горячечная греза зодчего“, – перевел про себя Пирожков иноземную фразу француза-судьи, недавно им вычитанную».

Впрочем, про выколотые глаза и здесь ни слова.

А еще у подножия этого храма действовал странный аттракцион. Тут размещались торговки моченым горохом. Но продавали его не для человеческого потребления, а для кормления голубей. При этом голубей кормил не покупатель, а торговка.

Птичий любитель платил деньги, после чего торговка лично рассыпала свой горох прямо на мостовую. Голуби дежурили неподалеку. Они сразу подлетали и расклевывали лакомство.

Голуби были фамильярными. Они привыкли к теткам, постоянно тут стоящим и владеющим столь вожаделанным лакомством. Садилась им на плечи и на головы. Тетки, в свою очередь, тоже привыкли к голубям и не гоняли их.

* * *

После революции храм сделался одним из символов старого мира – архаичного, посконного, изжившего себя. Все кому не лень пытались противопоставить ему новый мир, бодрый, практичный и функциональный. Архитекторы, художники, даже поэты.

Неизвестный ныне Рюрик Рок писал:

Василий Блаженный
в тучи —
винты куполов
и звонов жало,
а я винтом слов
ноги скручиваю,
волна которых
меня качала.

И в этом явствовало подражание «Оде революции» В. Маяковского:

А завтра
Блаженный
стропила соборы
тщетно возносит, пощаду моля, —
твоих шестидюймовок тупорылые боры
взрывают тысячелетия Кремля.

А конструктивист из Франции Шарль Эдуард Ле Корбюзье сравнивал Василия Блаженного с гигантской горой разномастных овощей.

Словом, творческие люди состязались в вариациях на тему.

Правда, старая интеллигенция слагала несколько другие вирши. Например, Максимилиан Волошин написал стихотворение «Москва»:

На рву у места Лобного,
У церкви Покрова
Возносят неподобные
Нерусские слова.

Ни свечи не засвечены,
К обедне не звонят,
Все груди красным мечены,
И плещет красный плат.

Но подобных недовольных граждан было меньшинство.

* * *

В 1919 году в храме вдруг запретили читать тропарь мученику Гавриилу. Формулировка была потрясающая: «Употребление тропаря гл. 5 и кондака гл. 6 в честь отрока Гавриила, как определенно человеконенавистнического и контрреволюционного характера, развращающего правосознание трудящихся, считать недопустимым, и лиц, их публично употребляющих, привлечь к ответственности за контрреволюционные деяния».

Младенец (а не отрок, как значится в этом документе) Гавриил пал жертвой ритуального убийства, совершенного воинствующими иудеями. В тропаре, однако, сложно было усмотреть не то чтоб антиреволюционные и человеконенавистнические – даже антисемитские воззвания.

Но у комиссаров была своя логика.

А вскоре после этого и настоятель храма, отец Иоанн был приговорен к расстрелу – «как темная личность и враг трудящихся». Причиной был все тот же младенец Гавриил, о котором продолжал распространяться батюшка Иоанн.

Храм же, разумеется, закрыли. И немецкий гость Москвы Вальтер Беньямин сетовал: «В первой половине дня в соборе Василия Блаженного. Его наружные стены лучатся теплыми домашними красками над снегом. На соразмерном основании вознеслось здание, симметрию которого не увидишь ни с какой стороны. Он все время что-то скрывает, и застать врасплох это строение можно было бы только взглядом с самолета, против которого его строители не подумали обезопаситься. Помещения не просто освободили, но выпотрошили, словно охотничью добычу, предложив народному образованию как „музей“. После удаления внутреннего убранства, с художественной точки зрения – если судить по оставшимся барочным алтарям – по большей части, вероятно, ценности не представляющего, пестрый растительный орнамент, буйно покрывающий стены всех галерей и залов, оказался безнадежно обнаженным; к сожалению, он искажил, превратив игру в стиле рококо, явно более раннюю роспись, которая сдержанно хранила во внутренних помещениях память о разноцветных спиралях куполов. Сводчатые галереи узки, неожиданно расширяясь алтарными нишами или круглыми часовнями, в которые сверху через высоко расположенные окна проникает так мало света, что отдельные предметы церковной утвари, оставленные здесь, с трудом можно разглядеть. Однако есть одна светлая комнатка, пол которой покрывает красная ковровая дорожка. В ней выставлены иконы московской и новгородской школы, а также несколько, должно быть, бесценных евангелий, настенные ковры, на которых Адам и Христос изображены обнаженными, однако без половых

органов, почти белые на зеленом фоне. Здесь дежурит толстая женщина, по виду крестьянка: хотел бы я слышать те пояснения, которые она давала нескольким пришедшим пролетариям».

Сам Бенъямин был философом и искусствоведем и, скорее всего, разобрался в живописи лучше, чем смотрительница, которую он по ошибке принял за экскурсовода.

* * *

Однако в тридцатые годы, когда обсуждался вопрос реконструкции города, первый секретарь Московского комитета большевиков Лазарь Каганович, желая подольститься к Сталину, снял с макета Красной площади храм Василия Блаженного – дескать, лучше без него.

По всей стране сносились церкви, в одной только Москве на тот момент было разрушено более сотни храмов, в том числе и знаменитый храм Христа Спасителя – гигантский памятник победы над Наполеоном. Вождю должно было понравиться такое предложение.

Но надежды Кагановича не сбылись.

– Лазарь, поставь церковь на место, – с угрозой в голосе произнес Сталин.

Лазарь Моисеевич трясущийся рукой вернул макет. Судьба храма была решена окончательно.

Правда, существовала другая легенда: якобы известный реставратор Петр Барановский заперся в храме Василия Блаженного и отправил телеграмму Сталину – дескать, если сносить этот храм, то уж вместе со мной. И объявил голодовку. Но, во-первых, странным кажется тот факт, что эта телеграмма была послана – ведь речь идет о церкви, а не о почтовом отделении. А во-вторых, когда решалась судьба храма, Петр Дмитриевич пребывал, как тогда говорили, в местах не столь отдаленных, и запереться в соборе в принципе не мог.

Впрочем, осужден он был именно за защиту этого храма.

Барановский вспоминал: «Весной 1936 года меня вызвали в одно высокое учреждение и предложили срочно заняться новой работой – обмерить и составить смету на снос храма Покрова на Рву.

– Принято решение о разборке церкви, – сказали мне, – она мешает автомобильному движению через Красную площадь.

– Это безумие! Безумие и преступление одновременно! Я ничего для сноса делать не стану, а снесете – покончу с собой».

После этого ответа Барановского сразу арестовали и отвезли в тюрьму. Так что, разумеется, мнение одного из многочисленных гулаговских сидельцев не могло определить судьбу храма Василия Блаженного.

Не для лбов

Лобное место (Красная площадь) сооружено в 1534 году.

Рядышком с храмом Василия Блаженного – затейливая круглая возвышенность. Это знаменитое Лобное место. Возвели его в шестнадцатом столетии, а нынешний свой вид Лобное место приобрело в 1786 году после того, как было перестроено известным русским зодчим Казаковым. Сама Екатерина лично повелела заменить морально-устаревшее кирпично-деревянное Лобное место на более современное и более торжественное, из дикого белого камня, с каменными же перилами.

Во времена правления сына великой императрицы, Павла Первого, московские купцы решили расстараться, сброситься и установить на Лобном месте гигантский деревянный крест, хранившийся в Сретенском монастыре. А над ним – купол от непогод. Сам митрополит Платон одобрил этот план. Однако крест поставлен не был. Вероятно, не хватило средств на купол.

Лобное место, тем не менее, вошло в историю. Иван Грозный отсюда торжественно клялся, что будет блюсти интересы народа. Лжедмитрий Первый, стоя на Лобном месте, просил перед народом оправдания. Однако же народ его буквально растерзал, бросив тело рядышком с Лобным местом и вложив ему в руки маску, дудку и волюнку – символ враждебных православию европейских идеалов. Василий Шуйский именно на этом возвышении был провозглашен царем.

А при Петре Первом Лобное место «украсили» головами казненных стрельцов.

В Вербное воскресенье именно от Лобного места начиналось знаменитое шествие патриарха на осляти (а «ослятию» вел сам царь). А в семнадцатом столетии у подножия этой возвышенности были установлены грозные пушки – для острастки. Впрочем, пушки вовсе не воспринимались как важный стратегический объект. Польский дворянин В. Немоевский сообщал: «Вблизи этого места стоит большое и длинное орудие, в котором рослый мужчина может сесть, не сгибаясь, я сам это испытал». К тому же воспитательный эффект несколько уменьшался тем, что здесь же размещался и кабак, носивший гордое название «Под пушками».

При Екатерине на Лобном месте стояла горе-помещица, злодейка Салтычиха – в саване, со свечкой и с листом бумаги на груди. На листе значилось: «Мучительница и душегубица». И это соответствовало истине.

А в войну с Наполеоном здесь вершили показательные казни. Один из таких случаев описан Львом Толстым в «Войне и мире»: «Пьер увидел толпу у Лобного места, остановился и слез с дрожек. Это была экзекуция французского повара, обвиненного в шпионстве. Экзекуция только что кончилась, и палач отвязывал от кобылы жалостно стонавшего толстого человека с рыжими бакенбардами, в синих чулках и зеленом камзоле. Другой преступник, худенький и бледный, стоял тут же. Оба, судя по лицам, были французы. С испуганно-болезненным видом, подобным тому, который имел худой француз, Пьер протолкался сквозь толпу.

– Что это? Кто? За что? – спрашивал он. Но вниманье толпы – чиновников, мещан, купцов, мужиков, женщин в салопах и шубках – так было жадно сосредоточено на то, что происходило на Лобном месте, что никто не отвечал ему. Толстый человек поднялся, нахмурившись, пожал плечами и, очевидно, желая выразить твердость, стал, не глядя вокруг себя, надевать камзол; но вдруг губы его задрожали, и он заплакал, сам сердясь на себя, как плачут взрослые сангвинические люди. Толпа громко заговорила, как показалось Пьеру, – для того, чтобы заглушить в самой себе чувство жалости.

– Повар чей-то княжеский...».

* * *

Считается, что странное название – Лобное место – появилось оттого, что здесь рубили головы преступникам. Однако это – заблуждение. Сооружение всего-навсего стоит на возвышении, то есть, на «взлобье».

А казнили здесь всего лишь один раз.

5 июля 1682 года в Кремле, в Грановитой палате состоялась знаменитая «Пря о вере» – публичный диспут между старообрядцами, возглавляемыми писателем Никитой Константиновичем Добрыниным, более известным как Никита Пустосвят, и последователями Никона. Результатом этой дискуссии стала казнь Никиты Пустосвята на Лобном месте и повальное бегство преследуемых старообрядцев за Урал.

Правда, в 1610 году тут собирались обезглавить свергнутого государя Василия Ивановича Шуйского. Но в последнюю минуту наказание смягчили – бывшего царя всего-навсего заставили принять монашій чин.

В действительности же Лобное место использовали в качестве трибуны – отсюда обращались к народу цари, а думные дьяки читали указы. А потом уже народ, собравшийся на главной площади, разносил новости по всей стране.

Тем не менее, заблуждение насчет отрубленных голов было весьма распространенным.

Именно Лобное место возникало в памяти многих, когда речь заходила о репрессиях и казнях.

А. Мариенгоф писал в повести «Циники» о Москве 1918 года: «У Ольги лицо ровное и белое, как игральная карта высшего сорта из новой колоды. А рот – туз червей.

– Хочу мороженого.

Я отвечаю, что Московский Совет издал декрет о полном воспрещении «продажи и производства»:

– ...яства, к которому вы равнодушны.

Ольга разводит плечи:

– Странная какая-то революция.

И говорит с грустью:

– Я думала, они первым делом поставят гильотину

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.